

Лекарь Сунь торопливо подошёл и потянулся к запястью Ин Цинъяна, собираясь прощупать пульс.

Ин Цинъян резко отдёргнул руку и, опершись о край ложа, с трудом поднялся на ноги.

— Тут человек умирает! — воскликнул он. — Сначала его осмотрите!

Лекарь Сунь давно разменял восьмой десяток. Ноги его слушались плохо, да и зрение подводило: давеча он разглядел лишь, как Ин Цинъян опустился на колени, а остальное упустил из виду. Лишь теперь, после окрика, старик заметил, что на ложе принца лежит человек, едва дышащий, на грани жизни и смерти.

Впрочем, услышав зычный, полный сил голос юного господина, лекарь понял, что с тем всё в порядке. Он не спеша погладил седую бороду, успокоился и вальяжно устроился на краю постели. Лениво протянув руку, он нащупал запястье незнакомца и привычным жестом прижал пальцы к пульсирующей жилке.

В своё время Сунь служил придворным лекарем в императорском дворце Великой Ин. Мастерство его граничило с чудом: порой ему хватало одного взгляда, чтобы определить недуг, даже не прибегая к прощупыванию пульса. В последние годы, когда глаза стали изменять ему, пришлось вернуться к истокам — осязательному обследованию. Все эти годы именно он врачевал обитателей затерянной в горах глуши, избавляя их от любых хворей.

Одно плохо — характер у старика был скверный. Лечить кого-либо, кроме Ин Цинъяна, он решительно отказывался.

Ин Цинъян наблюдал за его небрежными движениями с замиранием сердца. Он с таким трудом притащил этого раненого на собственной спине — не хватало ещё, чтобы лекарь Сунь ненароком лишил бедолагу последнего вздоха.

— Полегче, прошу вас! Поаккуратнее! — взмолился он.

Старик лишь покачал головой и неторопливо протянул:

— Не суетитесь, Ваше Высочество. Уж кому, как не вам, знать мои таланты. Вспомните, ведь когда вы только появились на свет, все лекари в один голос признали вас слабоумным. И кто же вернул вам ясный разум? То-то же, старик Сунь...

Ин Цинъян поспешно закивал, рассыпаясь в похвалах.

Для придворного лекаря Суня спасение маленького принца, которого именитые светила медицины сочли безнадежным дурачком, стало главным триумфом всей жизни. Он не упускал случая упомянуть об этом при каждом удобном случае, безмерно гордясь собой. Старик свято

верил, что рождён исключительно для заботы о царственных особах, а потому на простых смертных взирал свысока.

Ин Цинъян поднялся, взял чистую ткань и, смочив её в горячей воде, повернулся к постели.

Заметив это, А-Мо тут же вызвался:

— Молодой господин, позвольте мне.

Ин Цинъян отмахнулся:

— Ну уж нет, избавь. С твоей силищей ты ему ненароком черепушку проломишь.

Если незнакомец сейчас испустит дух, все сегодняшние мучения пойдут прахом.

А-Мо застыл, уставившись в пространство сонным, непонимающим взглядом. Он так и не уловил шутки, уяснив лишь одно: его помощь не требуется. Юноша отступил на пару шагов, не зная, куда деть руки, и замер у стены с самым потерянным видом.

Ин Цинъяну ничего не оставалось, кроме как занять этого увальня делом. Он велел ему достать из шкафа тёплое ватное одеяло, чтобы укрыть раненого, а сам принялся бережно стирать следы запекшейся крови и грязи с лица мужчины влажным тёплым лоскутом.

Не успел он сделать и пары мазков, как сидевший рядом лекарь Сунь шумно втянул сквозь зубы воздух и сокрушённо покачал головой:

— Не жилец. Ваше Высочество, велите готовить лопаты. Пора подыскивать место на косогоре.

Ин Цинъян от неожиданности едва не выронил лоскут и чуть не налепил его мокрым комом прямо на лицо раненого.

—... Вы ведь шутите, верно?

Услышав сомнение в своей проницательности, лекарь Сунь недовольно фыркнул:

— Какие уж тут шутки! Мало того, что тело этого человека истощено застарелыми недугами, так он ещё и промёрз до костей, иссечён ранами, а главное — яд проник в самую глубь его естества. То, что он до сих пор цепляется за жизнь — чудо упрямой судьбы. Но как только отравва подберётся к сердцу, наступит конец.

Старик вздохнул, устремив задумчивый взор в пустоту:

— Пройти через такие мытарства и до сих пор дышать... Даже не знаю, благословение это или проклятие.

Ведь когда израненная плоть горит в огне страданий, а облегчение всё не приходит, каждый лишний вздох превращается в изощрённую пытку.

Однако Ин Цинъян во всём этом многословии уловил лишь самую суть.

— Значит, если нейтрализовать яд, вы со своим великим мастерством без труда вернёте его с того света?

Пальцы юноши невольно сжали мокрую ткань.

Лекарь Сунь самодовольно покачался из стороны в сторону:

— Само собой! Перед кем, по-вашему, вы стоите? Вспомните, как в детстве вы...

Понимая, что старик вновь заведёт привычную шарманку, Ин Цинъян поспешно перебил его:

— Пилюля очищения от ядов точно спасёт его! О составе целебного отвара подумаете позже, а пока нужно поддержать в нём искру жизни. Неси из кладовой старый женьшень, — добавил он, повернувшись к А-Мо, который как раз расправил одеяло.

Лицо лекаря Суня тут же пошло пятнами от возмущения:

— Пилюля очищения от ядов — величайшая ценность! Как можно тратить её на кого попало? Она сберегается на крайний случай для членов императорского рода. У вас, Ваше Высочество, осталась всего одна-единственная штука!

Ин Цинъян отвёл взгляд. Вспомнив, что драгоценное снадобье уже покоится в желудке незнакомца, он заставил свой разум работать на пределе возможностей. В голове мгновенно вспыхнула шальная мысль, и он выпалил без малейших колебаний:

— Тогда я женюсь! Сию же минуту напишем брачное обязательство!

Он картинно взмахнул руками:

— Вы со старейшинами вечно попрекаете меня тем, что я до сих пор не обзавёлся супругой... То есть, наложницей? Ну так вот, время пришло! Настал мой час!

Ин Цинъян прижал ладонь к сердцу, вещая с пафосом уличного сказителя:

— С первого взгляда я пропал, со второго — навеки пленился, а с третьего осознал: либо она, либо никто! Покуда горы не обратятся в пыль, покуда небо не сольётся с землёй, не расстанусь со своей суженой! Всё справлю по закону: три письма, шесть обрядов, созову почтенных сватов. Раз уж она станет моей супругой, то и фамильное снадобье уйдёт не чужаку, верно?

Этот бурный поток красноречия лишил дара речи обоих его слушателей.

Лекарь Сунь оцепенел от столь внезапного и яростного признания. Его подслеповатые глаза, обычно сонные щелочки, округлились от крайнего изумления. С тех пор как юный принц выучился грамоте, от него и пары изящных слов нельзя было добиться, а тут — целая поэма, полная пылкой страсти к безвестной приبلуде!

Изумление старика было вполне оправданным. Едва Ин Цинъяну исполнилось пятнадцать, деревенские старейшины принялись настойчиво подыскивать ему наложницу. Понимая, что будущую императрицу Великой Ин нельзя выбирать в спешке, они решили для начала обустроить его обиход скромной девицей. Однако юноша упрямо отвергал любые предложения. Причина всегда была одна и та же: «Дурнушка».

Он забраковал первых красавиц из всех окрестных деревень. Девушки влюблялись в него без памяти, но он бежал от них как от чумы. Тогда Ин Цинъян важно заявлял, что свяжет себя узами брака лишь однажды, выбрав ту единственную, с кем разделит судьбу до гробовой доски.

И надо же — стоило ему притащить из леса неведомого полутрупа, как неприступный принц тут же заговорил о женитьбе, словно сошедший на землю небожитель, внезапно познавший сладость земных искушений.

Справедливости ради, лекарь Сунь, хоть и страдал куриной слепотой, при беглом осмотре уловил, что черты лица лежащего на ложе гостя были на редкость тонкими и благородными. Настоящая красавица.

Одно смущало: фигура у девицы подкачала — больно угловатая, без мягких округлостей. К тому же, когда лекарь брал раненого за запястье, его пальцы невольно прощупали кости. Судя по их плотности, девица была далеко не первой молодости.

Лекарь Сунь всё ещё пребывал в нерешительности. Обречённая на гибель чужачка казалась ему худшей партией для наследника престола, да и тратить бесценное лекарство на угасающую душу казалось делом крайне невыгодным.

Но если Ин Цинъян мог позволить себе роскошь поразмыслить, то у раненого времени не оставалось вовсе.

Не дав старику опомниться, юноша вновь заговорил, искусно сплетая кружево убедительной лжи:

— О пилюле мы потолкуем позже! Сперва вы должны составить рецепт, чтобы удержать её душу в теле, иначе и обсуждать будет нечего. Неужто вы позволите мне лишиться возлюбленной до того, как мы успеем скрепить наш союз? А если боитесь гнева Великого наставника наследного принца Цзяна — не извольте беспокоиться, весь удар я приму на себя!

В этих словах сквозила здравая логика.

— Но... — только и успел выдать лекарь Сунь, как на него обрушилась новая волна доводов.

— Посудите сами! Спасение моей наречённой запишут в ваши величайшие деяния! Вы станете спасителем супруги принца! Представьте, какой почёт и уважение ждут вас при дворе!

— И всё же...

— Или великий придворный лекарь потерял былую сноровку и не способен составить простейший укрепляющий отвар? Да быть того не может!

— Ну, это у вас...

— А если вам жалко этого старого женьшеня, то как только сойдёт снег, мы с ней лично отправимся в горы и отыщем для вас лучшие коренья! Самые крупные, налитые силой! Сколько пожелаете — все ваши будут, и слова против не скажу!

Мысли лекаря Суня окончательно запутались под этим натиском. К тому моменту, как юноша умолк, старик уже забыл, почему вообще собирался отказать.

Пожалуй, в словах принца действительно была доля истины. Спорить стало решительно не о чем.

— Что ж, коли так... — пробормотал Сунь. — Основой отвара станет женьшень, а к нему мы добавим...

Он обернулся, собираясь велеть А-Мо принести походную аптечку, но обнаружил, что парень уже стоит рядом. В руках тот держал увесистый ларец с травами, на крышке которого красовался извлечённый из кладовой многолетний корень женьшеня.

Очевидно, Ин Цинъян успел беззвучно подать слуге знак.

Лекарь запнулся на мгновение, но всё же додиктовал рецепт. Глядя, как проворно А-Мо отбирает нужные сушёные стебли и коренья, старик внезапно ощутил лёгкое беспокойство — уж больно гладко всё складывалось.

Однако не успело это смутное подозрение оформиться в полноценную мысль, как Ин Цинъян за его спиной сокрушённо запричитал, пресекая любые расспросы на корню:

— За что же моей суженой выпала столь горькая доля? Мало ей было яда, так ещё и нога повреждена! Если она останется хромой и не сможет ступать изящно, это же бросит тень на величие императорского дома!

Ин Цинъяну ещё никогда в жизни не приходилось столь беззастенчиво кривить душой. С тех пор как он научился говорить, из его уст не вылетало ни единого упоминания о собственном высоком происхождении, а тут он за несколько мгновений растратил весь запас благопристойности на годы вперёд.

Впрочем, юноша решил отбросить стыд. Какая разница, если об этом притворстве никто за пределами этих стен не узнает?

Главное — выведать рецепт и поставить кости на место до того, как подслеповатый старик разглядит под покрывалом мужчину. На войне все средства хороши, а промедление подобно смерти — именно этим правилом он сейчас и руководствовался.

Упоминание «чести династии» возымело должное действие. Лекарь Сунь нахмурился, подошёл ближе и осторожно ощупал пострадавшую конечность незнакомца.

— Кости целы, — вынес он вердикт. — Но сустав выбит, нужно немедленно вправить. Она что, сорвалась в ущелье? Настоящее чудо, что обошлось без переломов.

«Ещё бы не чудо», — подумал про себя Ин Цинъян. Знал бы старик, сколько звонкой монеты ухнуло на плетение тех прочнейших гигантских сетей в ущелье. Если вливаешь в дело золото, то и результат должен быть соответствующим.

Лекарь вздохнул:

— Но увы, мои глаза почти ничего не видят. Я не смогу на ощупь точно сопоставить сустав, так что вам, Ваше Высочество, придётся сделать это самому.

Ин Цинъян почувствовал, как вдоль хребта пробежал холодок. Напряжение сковало его тело.

В прошлый раз, когда он подобрал раненого пса Хэйина, лекаря Суня как раз не оказалось в деревне. Пришлось действовать на свой страх и риск, и результат до сих пор хромал на заднюю лапу — в буквальном смысле. И хотя с тех пор Ин Цинъян не раз наблюдал за работой мастера, сейчас, когда ответственность легла на его собственные плечи, уверенность мгновенно испарилась.

«Спокойно, — мысленно приказал себе юноша. — Ты прочёл немало трактатов по медицине. Та

неудача с собакой была лишь случайной оплошностью. В этот раз всё получится».

Но что, если он совершит ошибку? Даже если незнакомец выживет, он может навсегда остаться калекой.

В отличие от просвещённого будущего, отделённого от нынешних времён веками, в эту суровую эпоху увечье было клеймом на всю жизнь. Хромота могла сломить любого волевого человека, лишив его надежд и обрекая на холодное пренебрежение окружающих, а порой и вовсе толкая к роковой черте. Неспособность нормально ходить разрушала привычный уклад, закрывала дорогу к государственной службе, а по строгим законам династии Ин человек с телесным изъяном и вовсе лишался права претендовать на престол...

Ин Цинъян резко тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, и сделал несколько глубоких вдохов, усаируя колотящееся сердце.

Старческая ладонь лекаря мягко опустилась ему на плечо:

— Не бойтесь, Ваше Высочество. Я буду направлять вас. Действуйте плавно, не спешите. Если не выйдет с первого раза, попробуем снова.

Ин Цинъян кивнул.

Затаив дыхание, он осторожно провёл пальцами от подколенной впадины раненого вниз. Несмотря на внутреннюю дрожь, его руки действовали безошибочно. Одно быстрое, точное и сильное движение — и в комнате раздался сухой, отчётливый щелчок. Вывернутый сустав послушно встал на место.

Ин Цинъян отступил на шаг, освобождая место лекарю. Старик Сунь вновь ощупал ногу и довольно закивал:

— Великолепно. Не будь на ваших плечах бремени великих свершений, я бы непременно взял вас в ученики.

Юноше было не до праздных разговоров. Весь покрытый испариной, он отрезал тонкий ломтик женьшеня и бережно устроил его под языком раненого, чтобы целебный сок поддержал угасающие силы до того, как поспеет отвар.

Только бы незнакомец не испустил дух раньше времени.

Закончив с этим, Ин Цинъян наконец облегчённо вздохнул. Он бережно укрыл мужчину тёплым одеялом и вновь взялся за влажную ткань, стирая оставшуюся грязь.

Однако лекарь Сунь всё не унимался:

— Даже если вы решите сделать её своей супругой, растрату столь ценного снадобья всё равно придётся согласовать с Великим наставником наследного принца...

Ин Цинъян лишь беспечно усмехнулся:

— Не беспокойтесь, уважаемый. Наставник спит и видит, когда я наконец остепенюсь и обзаведусь семьёй. Разве станет он противиться моей женитьбе?

Он прекрасно понимал: пилюля очищения от ядов уже давно растворилась в желудке этого человека, так что согласие или протесты Великого наставника наследного принца Цзяна больше ничего не меняли. Ставить старших перед свершившимся фактом Ин Цинъяну было не привыкать.

Ничего не подозревающий лекарь Сунь лишь сокрушённо вздохнул и принялся раздувать угли под глиняным горшком, готовя отвар для новоявленной «супруги наследника», чья жизнь всё ещё висела на волоске. Про себя старик ворчал, что вся эта суета столь же бессмысленна, как и спасение того покалеченного пса.

После долгой суматохи в комнате наконец воцарился относительный покой, нарушаемый лишь тихим побулькиванием воды и терпким, горьковатым ароматом целебных трав.

А-Мо вышел на порог, неся таз с окрасившейся в багровый цвет водой. Стоило ему выплеснуть её, как к нему подбежали встревоженные шумом домочадцы.

Впереди всех шли дядюшка Фэн и дядюшка Лэй. Увидев тёмные пятна на воде, они тут же изменились в лице:

— Неужто Его Высочество ранен?!

А-Мо торопливо замотал головой.

Старейшины облегчённо выдохнули, но расспросы не прекратили:

— Тогда к чему весь этот переполох? Зачем потребовалось звать лекаря Суня и отпирать сокровищницу?

Если уж хитрый Ин Цинъян сумел в два счёта заморочить голову упрямому лекарю, то простодушному А-Мо и подавно было не под силу разобраться в хитросплетениях замыслов своего господина. Поразмыслив немного, он озвучил лишь те обрывки фраз, которые сумел уложить в своей голове:

— Молодой господин притащил кого-то из леса.

— Сказал, что это любовь с первого взгляда.

— И теперь собирается взять его в жёны.

Старейшины хором переспросили:

— Чего-о-о?!

<http://bllate.org/book/19722/1951597>